

Живет в Генте (Бельгия).

Дочке Саше

Ни совершенства,
ни силы своей
ты не знаешь.
Взмахом ли, гневом

своих августейших ресниц,
словом ли —
повелеваешь.
И часто одна лишь
вспышка! —
и, огнепоклонники,
падаем ниц.

Сколько ещё лорелей,
ипполит,
беатриче
дремлют в тебе,
в пеленах неоткрытых долин
и лабиринтах непознанных
сходств и отличий,
сколько вовек не раскаявшихся
магдалин.

Никой,
сульфидой,
с трапеции детских качелей
чертишь параболы жизни
полёт и уклон,
ты,
обещанье бессмертья,
весны Боттичелли,
радуги радость
и локонов лаокоон.

Вся ты —
канун и затакт;
твои принцы за партой
грифель грызут.
Ты ж
в адамовом стройном ребре
евои таишься,
прельстительной искрой,
азартно
смуты готовя,
и только четыре тебе...

* * *

За окраиной слов, за пределом протянутых рук,
где теперь я как будто живу, различить невозможно
продвиженья вперед или вспять, в темноте ни вокруг,

ни в себя оглянуться, не свериться ни с подорожной –
той, что вилами вкось по воде, ни с тобой, Водолей,
потому ль, что не время созвездью январскому нынче,
потому ли, что, сердце зажмутив, гляжу, но скорей
потому, что пожизненный срок не завиднее линча.

Вид на море без вида на жительство в копоть звезду
обращает, пейзаж посыпая подобием пыли,
чтобы скрыть, что надкушены яблоки в райском саду,
где духовную жажду давно до меня утолили.
Растянувшись вдоль времени года, сморгнувши росу,
соловиная ночь, как погода, с утра устоявшись,
плотно кутает шеи стволов в деревянном лесу,
где, заржавев, молчит соловей, заводным оказавшись.

Место занято, мир разлинован, на нём без полей
пишет космос своё одиночество, слева направо
проведя горизонтом предел, чтоб означить ясней
запрещённую даль всем помывшись выше октавой.
Ниже уровня моря строку заполняет вода –
неуместная в письмах, в природе оправдана сырость,
и любой, кто глаза от бумаги подымет, всегда
над собою судьбу обнаружит всё ту же – навыворот.

* * *

Когда меня отчислят из живых,
списав из единиц в разряды шлаков,
я выпущу из рук погасший стих
и лестницей, которую Иаков
воображеньем сонным смастерил,
взойду в края, каких не видно снизу,
куда ведут ступени без перил
и не нужны ни пропуски, ни визы.

Я, запинаясь, поднимусь туда
по вертикали судового трапа,
не веря в окончательность суда, –
как каторжник, который по этапу
пускается, не веря ни клейму
на лбу, ни в непреложность приговора,
в уме всё возгоняя сулему
реванша за изъятие из фавора.

Меня там встретит утомлённый клерк,
от должности малоподвижной тучный.

Гостеприимства тусклый фейерверк
изобразит, сипя одышкой, ключник,
казённый посоветует маршрут,
зевая на заезженных цитатах...
(Не мне чета уже бывали тут
в бытописателях и провожатых!)

Я уроню, замусорив пейзаж,
щепотки слов, обрывки эпитафий –
последней эмиграции багаж –
на белых облаков потёртый кафель
и, надпись «рай» увидев у ворот,
схвачусь за грудь, и ахну, и забуду
зажать ладонью бездыханный рот:
Не может быть. Я только что оттуда.

Страницы автора в Сети:

[Эмигрантская лира](#)

[45-я параллель](#)

[45-я параллель](#)